

Глафира Знаменская

**Про пальмы и
пионерский галстук**

Глафира Знаменская

Про пальмы и пионерский галстук

«Автор»

2023

Знаменская Г.

Про пальмы и пионерский галстук / Г. Знаменская — «Автор»,
2023

Четырнадцатилетняя Света благополучно живет в закрытом военном городке в Германии. Огорчает лишь то, что не растёт грудь и не получается писать стихи, как у Есенина. Но судьба круто меняется, когда после возвращения в Россию, Свете предстоит научиться жить после внезапной смерти папы и глубокой депрессии мамы, в одиночку справиться с глумлениями новых одноклассников. Пионерская организация перестаёт существовать, но Света упрямо продолжает носить галстук, буквально понимая предсмертный наказ отца. Свою первую, трепетную любовь к хулигану и заводе класса она сочтет непростительной слабостью и будет жестоко с ней бороться. Повесть «Про пальмы и пионерский галстук» основана на реальных событиях. Это трогательная история о дружбе, любви и вере в лучшее, которая разворачивается на фоне развала Советского Союза в 1991 году.

© Знаменская Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
Из дневника Светы Отроховой	6
Часть 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глафира Знаменская

Про пальмы и пионерский галстук

Предисловие

Света уже подходила с ведром к мусорным контейнерам, когда услышала тихое мяуканье. Тут же представила несчастного пушистого котенка, застрявшего в помойке. Тут же захотелось спасти его. Света была уверена, что мама поймет. Подошла ближе, заглянула внутрь. Мусорный контейнер заполнен почти до краев. В коробке из-под торта кто-то шевелился. Но не котенок. А кто-то, похожий на безволосую обезьянку...

Среди гнилых фруктов, овощей и плесневелых объедков, протухших тряпок и грязных пакетов, в картонной коробке, по бокам измазанной розовым кондитерским кремом, лежал настоящий ребенок. Мальчик. Его голое тельце синюшного цвета было покрыто пупырышками, словно кожа у старой общипанной курицы. Несколько минут Света таращилась на младенца. Потом с трудом перевела взгляд на полное мусорное ведро, которое все еще держала в руке. Машинально выкинула из него содержимое – осторожно, возле самого края контейнера. Была уверена, что не задела ребенка, но тот вдруг запищал невыносимо громко, начал дергать ручками и ножками. Света отпрянула подальше и, не выпуская пустого ведра из рук, бросилась к дому.

Часть 1

Из дневника Светы Отроховой

Военный городок N., недалеко от Потсдама, Германия

<23 января 1991 г.>

У меня еще нет груди! У Лариски уже большая, она ее даже стесняется и ходит сторбившись. Глупая! Если бы у меня была такая, ходила бы, гордо ее выпятив и расправив плечи. А у меня ничего нет. Еще мама масла в огонь подливает, говорит, что не ем ничего, поэтому сиськи не растут. Худая слишком. У мамы грудь в 11 лет расти начала. Сейчас, хоть и небольшая, но красивая. А мне через полгода 14, и даже намека нет.

<24 января 1991 г.>

В школе мальчишки из параллельного класса сказали: «Доска!», – и громко засмеялись. Сделала вид, что ничего не расслышала. Дураки! Когда пришли автобусы, которые обычно возят из школы в наш городок, я специально пропустила этих мальчишек вперед и села в другой автобус. Пусть они уже не обращали на меня внимания, но на всякий случай.

<25 января 1991 г.>

Вчера приходила в гости Лариса, уговаривала пойти погулять. На улице сыро, слякоть, и мокрый снег падает, куда идти? Долго упрашивала. Говорила, что просто прогуляемся. А что я не видела? Шесть лет уже здесь живем. Обходила все вдоль и поперек.

Железная дорога разделяет наш городок пополам. Основная военная часть и жилые дома находятся на одной стороне, а на другой – авторота, несколько домов, где живут немцы, и магазин, тоже немецкий. В тот магазин не люблю ходить, так как языка не знаю (в школе у нас английский), а объясняться знаками и жестами как-то стыдно. Да и вообще, там особо не разрешается бывать. Мальчишки, конечно, бегают, когда в казаки-разбойники играют.

В общем, не удалось Ларисе уговорить меня выйти на улицу. Она сразу загрустила и очень быстро ушла к себе домой. И что ей в такую пакостную погоду в тепле не сидится?

<29 января 1991 г.>

Это все из-за плавания. Груды нет, а плечи широченные. Мужская какая-то фигура, даже смотреть в зеркало противно. А мама опять: «Если к 14 не начала, то и не вырастет совсем или крохотная будет. Как детей будешь выкармливать?» Мне плакать хочется, а она... Понимаю, не со зла, переживает просто. Но от этого еще тяжелее.

<2 февраля 1991 г.>

Через две недели соревнования. Не хочу идти! Классная придумала забаву – привести туда весь класс, чтобы поддержать меня. Ужас просто!

Как я в купальнике перед всеми выйду? Только опозорюсь. Папа сказал, когда я пожаловалась: «Наличие или отсутствие груди не может опозорить человека. Позорят его только собственные поступки. Ты – дочь советского офицера и должна стойко переносить неприятности и невзгоды». И смотрел на меня строго, как будто ждал, что я встану навтыяжку, отдам честь и выкрикну: «Есть, товарищ полковник!»

<5 февраля 1991 г.>

Как же он не понимает? Все будут смеяться надо мной! На это у папы свой ответ: «Не страшно, когда над тобой смеются. Страшно – когда из-за тебя плачут». Ответила, что тут совсем другое, что это унижительно для меня. Папа тут же кивнул: «Да, это испытание. С общечеловеческой точки зрения оно смехотворно и ничтожно, но для тебя, судя по всему, оно очень серьезное. Именно поэтому ты должна его пройти. И пройдешь его, ведь ты – дочь советского офицера». Вот такой диалог у нас получился...

<10 февраля 1991 г.>

Сажу вчера в комнате, делаю уроки. Вдруг слышу странный стук в стену, а потом громкий вой нечеловеческий. Очень испугалась. Сначала мне даже показалось, что это воет собака. Уроки делать не могу, сажу и трясусь от страха. Родители пришли с работы, тоже сразу услышали. Папа пошел разбираться. Его больше часа не было. Мама хотела следом идти, но звуки прекратились, поэтому мы решили папу дожидаться.

Когда он вернулся, то выглядел очень усталым. Оказалось, это в квартире майора Остапенко. У них в Союзе единственный сын, которому 21 год, разбился насмерть на машине. А они даже на похороны не могут к нему поехать. Выла, вернее, плакала жена Остапенко. Сам майор молча головой об стену бился – от горя и безысходности. Папа сказал, все лицо в крови. Он их, как мог, успокоил, обработал рану. Плач больше не было слышно. Но стук через некоторое время возобновился. Всю ночь его слушала. Только под утро смогла уснуть под этот жуткий, мерный стук.

<12 февраля 1991 г.>

Поняла, что взрослым служить за границей не так и здорово. Приходится часто жертвовать личным ради службы и долга. У людей горе такое, а я за свою грудь переживаю. Прямо так стыдно стало!

<16 февраля 1991 г.>

Вчера выступала на соревнованиях. Весь класс пришел. Они сидели на трибунах почти у самых бортиков. Пробовала сначала вату подsunуть в купальник, но потом решила, что в воде вата разбухнет и вывалится. Вообще стыд духа будет. Пошла как есть. Папа подбадривал меня издалека и улыбался.

Получила первый юношеский, но в школу теперь идти стыдно. Хорошо, хоть сегодня не пошла, потому что вчера вечером пришли «дела» и дикая боль тоже. Валяюсь дома в обнимку с грелкой.

<17 февраля 1991 г.>

Только что дописала сочинение по творчеству Есенина. Надо же, кажется, я в него влюбилась! Сейчас начала читать его письма. Когда читала стихи, плакала, да и от фотографий разволновалась. Чувствую, он мне очень близок по духу. И как я раньше этого не замечала! Он такой симпатичный, такой молодой, а в душе уже накопилось столько переживаний и тревог. Раньше он меня ничуть не интересовал. Подумаешь, стихи про природу. А, оказывается, он так рассуждает о жизни...

<19 февраля 1991 г.>

Когда пришла в класс, все меня поздравляли с победой на соревнованиях. Наверное, на грудь не обратили внимания. Интересно, а если бы я проиграла, они бы заметили?

На физкультуре сдавали зачет по подачам, а перед этим, разбившись по двое, тренировались. Лариса приболела и не пришла в школу, так что я осталась без пары. Искала, искала, но всех разобрали. Тогда я подошла к О. и К. и сказала: «Можно я к вам – третьей лишней?»

Когда сказала, чуть не расплакалась, так неловко просить было. К. ответила: «Ну что ж, если так, то можно».

<20 февраля 1991 г.>

Смешно, но я не хочу остаться одной, стать лишней, когда вокруг все с кем-то. Как страшно быть лишней! Как же человек боится остаться лишним и никому не нужным! Но об этом не задумываешься, пока сам не окажешься в подобной ситуации.

Всегда стараюсь быть нужной – такой жизнерадостной и веселой, чтоб со мной никогда не стало скучно. Как боюсь! Боюсь, что перестанут меня замечать, помнить, что существую, что я есть. Люблю быть в центре внимания, чтоб все смеялись над моими шутками, безумными проделками и помнили, что я – не лишняя...

<22 февраля 1991 г.>

Только что вернулась из школы. Настроение паршивое. Никого не хочется видеть и слышать. На двух уроках физики писала стихи. Получились такие же паршивые, как и настроение.

<24 февраля 1991г.>

Есенин покончил с собой. Что заставило гениального поэта пойти на такой шаг? Много знаменитостей добровольно уходили из жизни. Но их никто не осуждает за это. Их произведения читают, о них помнят, спустя многие года.

<25 февраля 1991г.>

Надо сходить в библиотеку и взять что-нибудь про Есенина, чтобы узнать его получше. Читала его письма. У меня сложилось впечатление, что он резкий и колкий человек. Не хотела бы быть на месте его подруг и сестры. Даже с ними он позволяет себе не церемониться.

<26 февраля 1991 г.>

Начала читать «Жизнь Есенина», автор Сергей Кошечкин. В книге о поэте рассказывают его друзья, родные и знакомые. Он так уверен в своей будущей славе! Есенин чувствовал свою мощь, знал, что будет великим, гордился своими стихами. Я же как-то холодно отношусь к своим. Конечно, некоторые мне нравятся, но знаю, что есть стихи намного лучше моих. Есенин считал, что все восхищаются им. И видел восхищение, даже если это было не так на самом деле. А я не могу. Конечно, мне тоже хочется быть известной. Иногда представляю, что меня уже нет, а мои стихи... Но это мечта любого идиота.

Вот сейчас пишу этот дневник, и кажется, что пишу не для себя, а для какого-то другого, который, прочтя его, будет иметь обо мне представление. Поэтому стараюсь писать как можно лучше. Смешно.

<27 февраля 1991 г.>

Немцы привезли нам целую фуру бананов. Бесплатно! Папа сказал, там тонн двадцать пять. Пока начальство решало, что с ними делать, бананы начали подгнивать. Тогда быстро организовали раздачу по всему городку. Здоровенными коробками отдавали. Что только мы с мамой из них уже ни готовили: и пироги, и оладьи, и блины. В микроволновой печи запекали и во фритюрнице как картошку фри жарили. Мама даже банановую яичницу придумала. Честно говоря, мне не очень понравилось. На бананы смотреть уже не могу.

<3 марта 1991 г.>

Вроде и ничего нового, а села писать. Настроение скачет как мячик. Я могу быть неугомонно шумной и веселой, а через минуту впадать в глубокое уныние, чувствовать себя обиженной и обделенной. И огромное желание заплакать, жалея себя, по любому поводу.

<5 марта 1991 г.>

Сегодня приходили верующие. Хорошо говорили по-русски, но сразу видно, что немцы. Рассказывали про Бога, предлагали бесплатно какие-то буклеты и Библию. Немного послушала их ради приличия, а они все не хотели уходить. Спрашивали, верю ли я, хотела бы узнать больше о Боге и всякое подобное. Ушли, только когда согласилась взять детскую Библию. Книга оказалась очень красочной, с красивыми картинками. Может и почитаю, когда настроение будет. Мама потом сказала, что это адвентисты седьмого дня, что они ходят по квартирам и пытаются заинтересовать людей своей верой.

<7 марта 1991 г.>

Только начало весны, но уже все вокруг влюбляются. Кроме меня. Мальчишки странные и глупые какие-то. Не из кого выбирать. А так хочется влюбиться!

< 8 марта 1991 г.>

Папа подарил маме пальмочку в цветочном горшке. Она удивилась и засмеялась: «Как необычно!» Папа сказал, что так и хотел – маму удивить. Как необычно и приятно смотреть, что такие взрослые люди любят романтику! И друг друга любят.

Вечер 23:00

Позвонили из Союза, сказали, что сегодня умерла от инфаркта бабушка. Сегодня пятница, а похороны 10-го, в воскресенье. Мама побежала искать командира части, чтобы отпроситься на похороны, только он уехал на все выходные. Мама порывалась так поехать, но ведь паспортов у родителей нет, их сразу отбирают по приезде сюда. А ходят все со специальными карточками с фото. По этим карточкам билет нам никто не продаст, да и не выпустит из страны.

<9 марта 1991 г.>

Мама плачет. У нее в Союзе больше никого не осталось. Мне тоже очень жалко бабушку. Соседка, которая помогает с похоронами, рассказала, что бабушка, после нашего отъезда расплакалась: «Больше я их не увижу...» Как чувствовала. От этих слов маме совсем плохо стало.

<10 марта 1991 г.>

Сегодня хоронили бабушку. На маму без слез смотреть невозможно. Папа переживает. Сидит около нее, пытается утешить.

<11 марта 1991 г.>

Жизнь должна продолжаться несмотря ни на что. Так говорит папа. А еще Лариса влюбилась. Хотя мы с ней всегда говорили, что влюбляться – это для глупых девчонок. Да еще в кого – в немца! Она призналась, что уже несколько месяцев ходит за железную дорогу на него смотреть. На другой стороне живет несколько семей немцев. Они не военные, просто так получилось, что они жили рядом с нашей военной частью. Между нами забора нет, поэтому каждый может спокойно ходить туда-сюда.

Лариса вычислила, что Ганс (она его так назвала, ведь настоящего имени не знает) каждый день ровно в 18:00 выходит гулять с собакой. Гуляет до 18:25 и возвращается домой. Лариса, как бы случайно, проходит мимо как раз в это время, идет в магазин или к папе в автороту. Но теперь ей кажется, что Ганс что-то начинает подозревать. Говорит, как-то странно он на нее в последний раз смотрел.

Я сказала, если ее папа узнает, что она каждый день шляется за железную дорогу, то ей попадет. Лариса только рукой махнула, ответила, что она тайком идет и никто ее не видит.

<12 марта 1991 г.>

Лариса уговорила пойти с ней. Сказала, что будем очень осторожны. Я сомневалась и боялась, но очень интересно было посмотреть на этого Ганса. Посмотрела. Ничего особенного: длинный и худой. И еще, кажется, прыщавый, я сильно его не рассматривала. Когда мимо проходили, он улыбнулся Ларисе и поздоровался. Мы прыснули со смеху и убежали. Потом, правда, Лариса пожалела, хотела вернуться. Говорила, такой шанс познакомиться упустили! Но я не согласилась возвращаться, и так рисковали. Лариса обиделась немножко: «Но ведь нет прямого запрета сюда ходить и с немцами общаться!» Прямого нет, но все равно может папе по шапке прилететь. Мало ли. Одна Лариса тоже не стала возвращаться.

<13 марта 1991 г.>

Вчера вечером приходила Лариса, и мы решили погадать на тарелочке. Вызывали С. Есенина. Он сказал, меня ждут большие перемены, и я через полгода встречу мальчика, которого сильно люблю. Спросила: «Станет ли он моим парнем?» Ответ: «Все зависит от удачи». Попросила объяснить, ответил: «Ищи честь». Ларисе нагадали, что Ганс ее тоже тайно любит и мечтает о ней, но стесняется первым сделать шаг. После гадания смеялись с Ларисой как сумасшедшие. Даже мама не выдержала и заглянула к нам узнать, все ли в порядке.

<14 марта 1991 г.>

Папа сказал, нашу часть отправляют в Союз. Сразу вспомнила вчерашнее гадание. Как оно быстро сбывается! Мама волноваться начала: «Слышала, части прямо в чистое поле вывозят, и народ живет в палатках месяцами. Такого ни за что не хочу!» Папа успокаивал, говорил, что-нибудь обязательно придумает.

<16 марта 1991 г.>

Лариса, когда узнала, что я уезжаю, расстроилась очень. Ее папа служит в другой части, и она пока тут остается. Каждый день хожу с ней за железную дорогу. Хоть и страшно, но не могу бросить лучшую подругу одну. Мы специально выбираем такой путь, чтобы пересечься с Гансом. Дорога длинная и ровная, поэтому мы еще издали замечаем его. Он идет медленно и держит на поводке большую немецкую овчарку.

Сказала Ларисе, что этот Ганс точно влюбился в нее, так как весь путь, пока не поравняется с нами, смотрит только на нее, не обращая внимания на собаку. Лариса тоже только на него пялится. Пришлось поддерживать ее под руку, а то она несколько раз спотыкалась на ровном месте. Чувствовала себя третьей лишней, будто подглядывала за кем-то. Я бы перестала с ней ходить, но боюсь Ларису одну оставлять.

<18 марта 1991 г.>

Мы, люди, очень интересно устроены. Вот, например, если дать человеку все, в чем он нуждается, создать все необходимые условия для счастливого существования и предложить ему счастливую, безбедную жизнь, ведь он не вытерпит и года в этой идиллии. Ему начнет чего-то не хватать, он затоскует без вечных неразрешимых проблем и, в конце концов, начнет сам их придумывать. Когда нас ничего не мучает, не терзает, мы пугаемся: «А почему все так спокойно?» Лишь в вечном напряжении и в переживаниях за свою судьбу человек может быть по-настоящему счастлив.

<22 марта 1991 г.>

Мама часто плачет. Меня не стесняется, а когда приходит папа, старается сдерживаться. Но он все равно замечает красные глаза на несчастном лице и все понимает. Не знаю как наедине, но при мне они тему отъезда не обсуждают. Ведем себя так, словно все как раньше. Хотя дома теперь все по-другому. Такая тоска и уныние, что выть хочется и бежать из квартиры подальше. Хоть с Ларисой можно отвлечься от грустных мыслей.

<25 марта 1991 г.>

Интересно, долго Лариса со своим Гансом будут так ходить и пялиться друг на друга? Прямо как два разведчика из фильма. Возникает желание остановить и познакомиться их уже в конце концов. Только я немецкого не знаю.

Дочитала книгу «Жизнь Есенина». Мне кажется, он влияет на мое творчество. В последнее время пишу стихи с уклоном в народное творчество. Но не хочу подражать кому-то, просто так получается. Стихи Есенина мне очень нравятся. Я его люблю.

<28 марта 1991 г.>

Наконец Лариса со своим Гансом познакомилась. Вернее, его зовут Август. Когда мы шли как обычно мимо, немецкая овчарка вдруг села перед Ларисой, перегородив ей путь. И ни в какую не хотела отходить. Лариса смеялась и гладила собаку. Август тоже. Если честно, он не особо и старался ее оттащить. Мне кажется, что это все специально было подстроено. Лариса знает немного немецкий, поэтому они сразу стали болтать. Я стояла рядом как дура и ничего не понимала. Ну, кроме того, что его зовут Август. Сказала Ларисе, что мне нужно домой, и ушла.

<29 марта 1991 г.>

Лариса позвонила около одиннадцати вечера. Я быстро взяла трубку, так как чувствовала, что это она. Долго слушала, какой Август замечательный, умный и веселый. Она ему сразу понравилась, он видел много красивых девушек, «но у Ларисы есть какой-то магнит, притягивающий парней». Договорились с ним завтра вместе идти с собакой гулять. Так что я уже не нужна и если мне не хочется, то могу не ходить. Она ведь знает, что мне не нравилось сопровождать ее за железную дорогу. Конечно, я сказала, что только рада избавиться от этих прогулок. Уже два часа ночи, а я никак уснуть не могу.

<30 марта 1991 г.>

Сейчас весна, но в душе какая-то опустошенность. Время любви... А мне ничего не хочется, только обидно за себя, а пожаловаться некому. Иногда так жалко себя становится (например, как сейчас), что аж плакать хочется. Неужели я так неинтересна!

Спать не хочется. Может еще что-нибудь накалякаю. Во мне два человека. Одному уже никого не хочется, все пополам, на душе спокойно – и то хорошо. Другой – очень страстный по натуре, желающий действовать, но он не может. У него не получается. Ну, если нет у меня никакого магнита, даже самого малюсенького магнетика!

<1 апреля 1991 г.>

У нас тут такое произошло. И это не шутка и не розыгрыш! Полковник Семенов со всей семьей ушел «на запад». Много народу уходит в последнее время, в основном гражданские. А тут целый полковник. Ужасный скандал был. Потом, задним числом написали фальшивую телеграмму, которую приложили к делу, что Семенова якобы в Москву срочно вызывают, там его дядя умирает. В общем, замяли как-то. Говорят, он заранее все подготовил. «А мы должны возвращаться в нищую Россию, где нам даже жить негде», – как бы самой себе сказала мама.

Папа посуровел, прищурился, губы поджал. Молчал. Мама не смотрела на папу: «Просто подойти к полицейскому и сказать «Asyl»* (*«убежище» нем.), зато потом...»

«Предателем никогда не был и не буду! Никогда!» – закричал вдруг папа. Потом ко мне повернулся и спросил: я тоже так считаю?

У меня вдруг во рту пересохло. Захотелось убежать на кухню за водой. Конечно же, предавать нельзя. Старалась говорить твердо и уверенно. Показалось, он тихо вздохнул. Мама сказала, что ее не так поняли: «На той стороне нас никто не ждет с распростертыми объятьями. Там первоклассные специалисты нужны, а мы кто...» Если бы я не знала маму, решила бы, что она так издевается над папой.

<2 апреля 1991 г.>

Мама плачет уже и при папе, он в ответ только глубоко вздыхает и прячется за газетой. На меня почти не обращают внимания, даже если возвращаюсь позднее обычного. Им интересны только свои заморочки.

<4 апреля 1991 г.>

«Человек! Это звучит гордо!» Чего же здесь гордого? Только уничтожающий всех и вся, до отвращения низкий эгоизм. Да, правильнее сказать, что человек – это звучит эгоистично!

<10 апреля 1991 г.>

Про отъезд не говорим. Это как бы запретная тема в нашей семье. Но вещи с мамой складываем.

Выдалась свободная минутка, и решила написать в дневнике. Я стала какая-то замухрышка. Сегодня на биологии порвала колготки, а узнала об этом только дома. Такие «стрелища»! Ну и много подобных неприятностей. Сегодня голова разболелась, настроения нет. Вроде и рассказывать не о чем. Лариса вся в своей любви. В школе вечно в облаках витает. Со мной, кроме своего Августа, ни о чем больше говорить не хочет. Я уже начинаю его тихо ненавидеть.

<14 апреля 1991 г.>

У Ларисы беда. Родители Августа узнали, что он дружит с русской девочкой и запретили ему общаться с ней. Как обычно она пошла к его дому, но вместо Августа увидела взрослого немца с овчаркой. Наверное, это его отец. Когда собака узнала Ларису, то радостно бросилась к ней, но мужчина строго одернул ее и, даже не посмотрев на Ларису, прошел мимо. Лариса стояла, ничего не понимая. Но тут услышала, как ее кто-то тихо окликнул. Это был Август, он прятался за углом своего дома. Сказал, что им нельзя встречаться, и что родители через три недели отправляют его к бабушке в Дрезден.

Лариса ревела у меня часа два, не знала, как ее успокоить. Как помочь в такой ситуации? А в душе радовалась, что никого не люблю и ни по ком не страдаю.

<18 апреля 1991 г.>

Папа принес домой люстру, которая раньше висела в его кабинете. Люстра совсем обычная, с четырьмя стеклянными плафонами в виде колокольчиков. На память взял, все равно ее собирались выкидывать. Мама начала смеяться: «Вон, ушлые люди танки распродают, а наш люстру пыльную домой притащил!» Папа в ответ шутить стал: «По-твоему, я, как полковник медицинской службы, что должен был домой притащить? Пациентов что ли?» Я громко рассмеялась. Маме было не смешно. Она так и сказала: «Не смешно! Умные люди все равно что-то придумывают». Папа внимательно посмотрел на нее. Сказал, что-то не узнает ее в последнее время. Она сильно изменилась. Папа – тоже! Это я уже подумала. Он не должен идти против

принципов, против совести своей. И так забираем отсюда всю мебель и технику. Мама возмутилась: «Еще предложи оставить! Это наше, и никто не посмеет нас осудить, за то, что мы свои вещи забираем».

<21 апреля 1991 г.>

Мама еще работает медсестрой в госпитале, говорит, будет ходить туда до последнего дня. Там она познакомилась с одним священником, который привез детей из Белоруссии. Эти дети попали под радиоактивное облако, прилетевшее из Чернобыля. Какие-то у них проблемы со здоровьем, вот их сюда на реабилитацию и привезли. А маму поставили за ними приглядывать. Она сказала, что дети испуганные поначалу были, всего боялись и стеснялись, но потом освоились и начали баловаться.

<24 апрель 1991 г.>

Сегодня мама опять в госпитале допоздна была. Когда она вернулась, я сразу заметила у нее маленькую иконку с каким-то старцем.

Мама объяснила, что это Николай Чудотворец, ей отец Владимир подарил. К святому можно обращаться, когда на сердце тревожно, ну и при бедах разных. «Николай Чудотворец всем людям помогает, даже неверующим», – сказала неверующая мама и спрятала иконку куда-то в шкаф.

<25 апреля 1991 г.>

Священник, который иконку подарил, называет маму «сестренкой». Не «медсестрой», как положено по работе и не «сестрой», как обычно верующие друг друга называют. А именно «сестренка». Сказала маме, что это очень странное обращение. Она ответила: «Но мне нравится».

<29 апреля 1991 г.>

Стала известна дата нашего отъезда – первая половина июня. Папа сказал, что уходит на пенсию, и нам обещают квартиру. Мама стала выпрашивать, где именно? Но папа сказал, что это пока секрет, сюрприз будет. Он постарался ради мамы, еще учли все его достижения потомственного военного, награды и заслуги перед родиной.

Большинство вещей мы с мамой уже сложили по ящикам, а оставшееся мама сама укладывает и песни поет. Она счастлива и плакать перестала, а я не знаю, грустить мне или радоваться. Папа на работе допоздна, приходит уставший и отчего-то грустный.

<3 мая 1991 г.>

Лариса как с ума сошла. Послезавтра Август уезжает и неизвестно, когда вернется обратно. Ларисе несколько раз удалось с ним повидаться. Они даже два раза успели поцеловаться по-взрослому. Лариса грозит, что не вынесет разлуки с любимым и перережет себе вены. Предложила ей сходить прогуляться. Она сказала, что лучше останется дома. Я боялась ее одну оставлять, но и сидеть с ней и слушать ее постоянные причитания тоже уже не могу. Взяла с нее обещание, что она не натворит никаких глупостей и ушла от нее.

<5 мая 1991 г.>

Хочу перед отъездом все хорошенько запомнить в нашем городке.

Трехэтажные дома стоят ровными рядами, в них живут офицерские семьи и гражданские. Третий слева в первом ряду – наш дом. Можно уже сказать, что он был нам родным целых шесть лет. Возле соседнего дома каждую пятницу один армянин продает (или продавал, не

знаю, в каком времени уже обо всем рассказывать) всякие вещи для кухни: прихватки, медные турки, ложки, металлические открывалки.

<6 мая 1991 г.>

В детский садик я успела походить всего несколько месяцев перед школой. Он находится в длинном здании вместе с клубом и продуктовым магазином. Рядом двухэтажная школа только для начальных классов. Старшеклассников возят на автобусах в Потсдам, там большая русская школа. Прямо перед началкой стоит парикмахерская. Один раз попробовала в ней сделать «модную» стрижку. Два месяца в кепке ходила, пока волосы не отросли. Чуть дальше, направо, небольшое кафе, летом с Ларисой мы часто ели там вкусное мороженое. Про железную дорогу я уже писала. Она делит городок пополам и совсем не огорожена.

<11 мая 1991 г.>

У Ларисы депрессия. Из дома отказывается выходить, даже школу пропустила. Мама ее жалеет и перед отцом прикрывает, будто Лариса болеет. Прихожу к ней, рассказываю последние школьные сплетни, но ей совсем неинтересно. Не знаю, как еще ее отвлечь.

<12 мая 1991 г.>

Сейчас первый час ночи, за окном моросит мелкий противный дождь. Иногда смотрю на себя с высоты прожитых лет, словно читаю биографию. Представляю, что будут обо мне говорить и думать. Даже не знаю, откуда это у меня.

<17 мая 1991 г.>

Ничего интересного не происходит. Живем в ожидании отъезда, можно сказать, сидим на чемоданах (вернее, деревянных армейских ящиках) в прямом смысле слова.

<25 мая 1991 г.>

В последний раз решили с мамой съездить в Берлин. Она сказала, что уже никогда не получится больше. Раньше по два раза в месяц ездили. Сначала до Потсдама на поезде-«подкидыше», где всего два вагона и кабины для водителя с двух сторон. Потому что «подкидыш» довозил народ, подкидывал до больших станций. А в Потсдаме уже садились на обычный поезд и ехали до Берлина. Гуляли всегда много. Столько интересного видели! Словно на другую планету или в будущее попадали. Мама говорила, что такого в Союзе еще долго не будет. Помню, как-то в одну из поездок мы с ней целый час по магазину сантехники ходили, ванны и унитазы разглядывали. Глупо, конечно, но там такая красота была! Реально как в музее.

В последнюю нашу поездку мама прощалась с каждым зданием и деревцем. Некоторые даже гладила и что-то шептала.

<27 мая 1991 г.>

Лариса две недели уже не ходит в школу. Классной я наврала, что она заболела ангиной. Ее мама каждый день звонит мне, просит прийти и рассказать, что в школе было. Но уже не могу с ней общаться, хоть она лучшая подруга, и ее очень жалко. Не могу смотреть, как она все время плачет.

Никому не показываю, как плачу. Это слабость, а я слишком гордая и сильная, чтобы все увидели, что на самом деле я слабая и ранимая.

<29 мая 1991 г.>

Забираем с собой все, что можно. В России же ничего толком нету, а здесь одежда красивая и качественная, техника разная. Нам выделили контейнер на пять тонн, чтобы мы уло-

жили свои вещи. Записала адрес Ларисы, обещала ей сразу же написать, как мы устроимся. Отъезд через 9 дней. Страшно даже.

<12 июня 1991 г.>

Уходили как в кино. Начальник части приказал расправить боевое знамя части, еще военных времен. Тут же особист подскочил и стал кричать: что это тут творится! Но начальник его послал (практически в прямом смысле слова). Терять уже все равно нечего.

Впереди, над головами, несли красное знамя с золотой пятиконечной звездой. Несколько немцев фотографировали, их никто не останавливал. Лариса провожать не пришла, сказала, что не выдержит такого прощания, это для нее слишком. Шли молча, а потом кто-то тихо запел: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...» На словах «Выходила на берег Катюша» к певцу присоединились десятки голосов наших. Я тоже пела.

С ребятами, которые уезжали, заранее договорились, что наденем пионерские галстуки. И мы шли все торжественно, как на параде. Шли на вокзал грузиться в поезд. Мама плакала. Я часто моргала и жмурилась, чтобы не разреветься.

<4 июля 1991 г.>

Уже две недели живем в гостинице. Родители хлопочут о новой квартире. Я тоже вся в хлопотах. Но пока не буду писать, куда мы должны переехать. Это секрет.

<19 июля 1991 г.>

Вот и на новом месте. Нам дали двухкомнатную квартиру! (Ю-ху!) И где? Почти на берегу Черного моря! Действительно, папа настоящий сюрприз нам устроил. Теперь круглый год будем жить возле моря. В первый раз его увидела. Очень понравилось! Хоть каждый день купайся и загорай. Я так счастлива! Теперь у нас начнется новая жизнь.

<20 июля 1991 г.>

Когда уезжали в командировку, я совсем маленькая была. Плохо помню тогдашний Союз. Здесь все так сильно отличается от Германии! И люди другие, какие-то усталые и раздраженные, но мне очень любопытно. Стараюсь всем улыбаться.

<23 июля 1991 г.>

Ходим на море, но вода слишком теплая и совсем не освежает. На улице жара, больше сорока градусов в тени. Ночью не становится прохладнее, даже ветерка нет. Спим под сырими махровыми покрывалами, специально их мочим в холодной воде, чтоб не так душно было спать.

Написала Ларисе письмо. Интересно, долго оно будет идти? Как она там?

<26 июля 1991 г.>

Полюбила газировку из автоматов. Так чудно. Сначала надо помыть стакан в специальном углублении, откуда вода идет, потом поставить его с другой стороны, оттуда уже выливается сироп с газировкой. Больше всего тархун понравился, хоть после него рот и губы становятся зелеными. Дюшес тоже очень-очень классный. Не сравнится со всякой колой и фантой, которые в Германии продавали. Еще вкусное фруктовое мороженое в картонных стаканчиках, оно даже вкуснее чем в нашем кафе было. Ларисе бы тоже понравилось.

<1 августа 1991 г.>

Поехали в горы с ночевкой. На Красной поляне прямо как в сказке! Ночью между деревьями летали светлячки – это такие маленькие жучки. У них брюшко светится желто-зеленым огоньком, а если к ним подойти ближе или дотронуться до светлячка, то свет сразу гаснет.

Сейчас по ночам море светится. Это какое-то чудо! Когда проводишь рукой по воде остается зеленоватый искрящийся след. Вода сверкает, блестит, переливается. Трудно даже объяснить. И кажется, ты попал не в море, а в волшебный мир. Родители тоже резвились как маленькие и брызгали друг в друга.

<10 августа 1991 г.>

Папа говорит, тут не так уж плохо, как пытаются представить на западе, и мы еще покажем всем. Запад боится СССР, и в этом наша сила. Мама сердится на папу, говорит, что уже устала от политики, хочет спокойно жить у моря и наслаждаться покоем.

<15 августа 1991 г.>

Волнуюсь, как пойду в новую школу? Но интересно познакомиться с ребятами. Уже школьную форму и галстук приготовила. Родители тоже собрались на линейку. Сначала хотела отговорить их, ведь я уже восьмиклассница, а все с родителями за ручку хожу. Но потом передумала – мне с ними спокойнее будет.

<19 августа 1991 г.>

Происходит что-то нехорошее. По телевизору целый день показывают балет. В море очень много больших кораблей, папа сказал, они военные. Он очень нервничал, целый день слушал радио на полной громкости. Постоянно звонил куда-то, ругался на кого-то, кричал: «предатели!», «это конец!» Я поняла, что нашу страну кто-то захватил. Страшно вдруг так стало. Что-то явно случилось нехорошее. У папы даже боюсь спрашивать, а мама только отмахивается и говорит, что сама ничего не может понять.

<21 августа 1991 г.>

Ночью папе стало плохо, и его увезли в больницу. Перед тем, как его забрала скорая, он мне сказал, что очень важно, чтобы я всегда-всегда помнила, чему он меня учил. «Наступают трудные времена, но надо держаться и никогда не забывать, что ты – дочь советского офицера», – говорил так, словно навсегда прощается со мной. Мне стало очень страшно, я пыталась шутить и говорить всякие глупости. Папа слабо улыбался и говорил, что верит в меня. Вчера мне исполнилось четырнадцать.

<25 августа 1991 г.>

Моего папы больше нет... Он умер ночью 22 августа в больнице. До сих пор не могу поверить. Мы здесь еще мало с кем успели познакомиться, но на похоронах было много народу. У могилы несколько военных говорили речь. Что папа слишком за все переживал и не смог смириться. Что он был настоящим офицером, честным и преданным своей стране. Друзья и сослуживцы дали маме конверт с деньгами. Мама убрала его подальше и сказала, что на эти деньги мы сделаем папе красивый памятник.

<26 августа 1991 г.>

Папочка! Я люблю тебя! Не успела сказать это тебе при жизни. Всегда хотела, но так и не решилась. А теперь слишком поздно.

<27 августа 1991 г.>

Все жду, что откроется входная дверь и войдет папа.

Мама уже три дня не встает с кровати. Лежит и молча смотрит в потолок. Я реву целыми днями. А у мамы не видела ни одной слезинки. Даже когда гроб с папой в землю опускали. Если бы она поплакала, ей бы легче стало. Наверное.

<28 августа 1991 г.>

Этого не должно было быть! Гадские путчисты! Из-за них умер папа. Он очень любил свою страну и был настоящим офицером. А они его убили...

Мама словно бесчувственный робот. Отвечает односложно равнодушным голосом. У меня глаза болят от постоянных слез. И поделиться своим горем ни с кем не могу. Написала еще одно письмо Ларисе. Что будет дальше?

<29 августа 1991 г.>

Нашла, куда мама спрятала подаренную иконку. Долго смотрела на святого старца и плакала, пыталась молиться. Николай Угодник, пожалуйста, сделай так, чтобы там, где сейчас мой папа, ему было хорошо и спокойно. Пожалуйста, помоги ему! Ты ведь всем помогаешь, даже неверующим.

<31 августа 1991 г.>

Как дальше жить? Завтра в новую школу. Никуда не хочется, но должна. Я обещала папе. Обещала...

Нашла библию, что мне всучили адвентисты. Начала читать. Надеюсь, легче станет.

Часть 2

Торжественная линейка началась гимном уже несуществующей страны. Директор поздравил ребят, а особенно первоклашек с первым днем в школе, пожелал всем успехов и объявил начало нового учебного года. Крепкий парень из одиннадцатого класса посадил себе на плечо первоклашку и пошел с ней вдоль школьников и учителей. Девочка улыбалась и усиленно трясла большой металлический колокольчик.

На линейку Света пришла одна. Перед выходом из дома она спросила маму, хочет ли та пойти с ней, но, когда получила отказ, даже обрадовалась. Она не хотела, чтобы в новой школе увидели ее маму в таком состоянии.

Света специально опоздала, чтобы потихоньку, не привлекая лишнего внимания, присоединиться к своему новому классу. В 8 «А» на нее, как ей показалось, никто не обратил внимания. После всех обязательных речей и песен с танцами стали расходиться по классам. К Свете подошла симпатичная сероглазая девочка с длинной русой косой.

– Привет! Ты к нам, новенькая?

– Привет. Да, наверное, если ты из 8 «А».

– Из него, естественно! Меня зовут Аня Степанкова.

– Очень приятно, я Света Отрохова.

– Ну пойдем, с остальными тебя познакомлю. Не бойся, они ребята добрые. А если будет кто обижать, ты мне сразу говори. Я разберусь, – Аня уверенно взяла Свету под руку и повела в школу.

– Ты староста класса, да?

– Можно и так сказать. Просто я самая умная и красивая здесь, – Аня засмеялась и подмигнула, – так что слушай меня и голос Америки!

– Хорошо, – улыбнулась в ответ Света.

– У тебя какой-то интересный акцент. Ты откуда приехала?

– Из Германии, папа там служил.

– Я и смотрю, прикид у тебя крутой.

– Твое платье тоже красивое и модное. Я похожее видела в одном магазине в Берлине.

– Да, у меня папик шмотки из Польши привозит, – довольно улыбнулась Аня и убрала с подола пушинку.

За разговорами девочки вошли в кабинет, где уже собрались остальные.

– Народ, минуточку внимания! – обратилась ко всем Аня и несколько раз громко хлопнула в ладоши. – Кто еще не в курсе, у нас новенькая. Света Отрохова. Она долго жила в Германии и совсем недавно приехала из Берлина. Прошу любить и жаловать. Если кто посмеет ее обижать, будет иметь дело со мной.

Мальчишки прогундели что-то приветственное. Девочки подошли ближе, надеясь узнать подробности. Но тут прозвенел звонок, и все медленно пошли к своим партам.

– Садись со мной. – Аня повела Свету к последней в среднем ряду парте.

На следующей перемене Аня решительно увела новенькую из класса.

– Пойдем отсюда, а то здесь нам не дадут спокойно поболтать, – объяснила она по дороге, кинув на ходу остальным девочкам: – За нами не ходить. Я потом все, что надо, вам расскажу.

Устроившись на подоконнике в женском туалете, Аня приготовилась слушать.

– Ну, как там? Берлинскую стену видела? В Западный Берлин часто ездила? Есть ли симпатичные мальчики среди немцев? Ты с кем-нибудь дружила из них? А в школу немецкую ходила? Хорошо там? Концерты, дискотеки? На Scorpions часто ходила? Обожаю их! Ну давай, колись, быстрее!

– Стену видела, и когда она еще целая была и потом, после того как ее разрушили. В западный Берлин нам нельзя было. Мы же военные. Ездили в восточный Берлин и в Потсдам. С немцами почти не общалась. По этой же причине. Мы учились в русской школе. С нашего городка автобусы ходили до школы, сразу после уроков они же нас отвозили домой, так что погулять после школы... – Свете на подоконнике места не хватило, она стояла перед Аней и рассказывала, словно отвечала урок.

– Все понятно с тобой, – перебила ее Аня, – отец военный, еще небось, какой-нибудь кэзэбешник. Никуда нельзя ездить, ни с кем из иностранцев нельзя общаться. Скучота полнейшая. И смысл, что жила за границей?

– Почему же, там совсем не скучно было. В клуб наш, бывало, немцы приезжали с выступлениями. А еще в Потсдаме, в доме офицеров концерты устраивали. Однажды на двадцать третье февраля моя мама там песню спела.

– Какую?

– Прости? – не поняла Света.

– Песню какую мама спела?

– Про фронтовую медсестру.

– Действительно, какую еще песню петь в доме офицеров? Не Агузарову же. – Аня усмехнулась и отвернулась к окну.

– Вот, вспомнила еще интересный случай. Как-то мы ездили в Берлин, уже после разрушения стены. От нее все еще большие куски оставались. Мы кувалдой помогали ее разрушать.

– Вы что, кувалду с собой из дома тащили? – Аня повернулась к Свете, удивленно подняв брови.

– Зачем? Там народ был с инструментами, мы у них попросили. У меня фото есть, где я с кувалдой выглядываю из дыры в берлинской стене. Даже несколько камешков взяли себе на память. Так волнительно было и весело!

– Представляю. Я бы там померла от веселья! – сказала Аня, снова отвернувшись. – Ну ладно, пойдем, сейчас звонок будет.

После уроков класс решил пойти на море, купальники и шорты у всех лежали в портфелях.

– Ты пойдешь с нами? – спросила Аня у Светы.

– Я ничего не взяла с собой.

– Вот балда! Мы же у моря живем, купальник надо при себе всегда иметь! Когда жарко, естественно.

Света виновато пожала плечами.

– Ладно, мы завтра тоже пойдем. Не забудь взять.

Пока они разговаривали, почти все ребята вышли из класса. Осталось только двое мальчишек. Один невысокий, с черными в мелкие кучери волосами, чем-то похожий на Леонсио из «Рабыни Изауры». Второй с темно-русыми, немного растрепанными волнистыми волосами и белозубой улыбкой. Света его еще на линейке выделила из всех остальных, он напоминал ей Есенина. Как оказалось, мальчишки ждали Аню.

– Степа, долго тебя ждать? – спросил, лениво зевнув, белозубый.

– Уже иду, Санек, просто с новенькой заболталась.

– А кто это? – набравшись храбрости, тихо спросила Света у Ани.

– Тот, что пониже – Алик Тулян, второй красавчик – Саша Матюхин, – сказала Аня, а посмотрев на Свету, добавила: – Он мой!

– Да я ничего, просто так спросила. – Света опустила взгляд и покраснела.

– Ну-ну, смотри. Чао-какао, бэйби!

Аня взяла Сашу под руку и вышла из класса.

- Ты идешь на море? – спросил Алик у Светы.
- Нет, я завтра.
- Ну ладно, тогда пока!

Дома было тихо, Света решила, что мама отдыхает. Заглянула в гостиную, но мама не спала. Она кругами ходила по комнате, обхватив себя руками.

- Мамуль?
- Для чего, скажи, вот для чего?
- Что «для чего»?

– Для чего мы тащили из Германии все это барахло. – Она стукнула кулаком по мебельному гарнитуру из темного дерева. – Чертову стенку, диван идиотский, ковры («это же настоящая шерсть!»), даже пальма эта дурацкая и та оклемалась после переезда... А, совсем забыла, еще же магнитофон Siemens и телевизор, куда же без него!

– Мам, успокойся, пожалуйста!

– Как радовались, что бытовую технику не надо покупать! – Мама, не слушая, побежала в кухню. – Этот холодильник перли, микроволновую печь, даже тостер с фритюрницей. Ничего не сломалось при переезде, все прекрасно работает. Немецкое качество на века! Вот скажи, для чего все это? – Только сейчас она посмотрела на Свету, глаза ее были сухие и красные от бессонной ночи.

– Чтобы жить.

– Жить? – Мама истерично засмеялась. – А кому? Где? Папы нет, страна разваливается. Что с нами будет? Папа бросил нас! Жить... Как теперь жить?

– Мамуль, все образуется. Мы с тобой сильные. Потихонечку справимся. Папа не бросил нас, просто так получилось. – Света осторожно обняла маму за плечи и повела из кухни. – Вот, полежи, ты устала, уже несколько дней не спишь. Я слышу, как ты ночами по комнате ходишь. Тебе нужно отдохнуть.

Света накрыла маму пледом и села с краю на диване.

– Поспи, отдохни, – тихо приговаривала Света, глядя маму по спине.

Через несколько минут глаза мамы закрылись и послышалось ровное дыхание. Света вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

<2 сентября 1991г.>

Познакомилась с новым классом. Ребята, вроде, хорошие, веселые. Подружилась с одной девочкой. Зовут Аня, она похожа на русскую красавицу из сказки: у нее длинная коса до пояса и серо-голубые глаза. А еще в классе есть мальчик, похожий на Есенина. Как увидела его, даже сердце екнуло. Но он дружит с Аней, так что... Как не хватает папы! С ним можно было бы обсудить...

На следующий день Света, приветливо улыбаясь, села за парту рядом с Аней.

- Привет! Я сегодня взяла с собой купальник.
- Супер. Только у меня «дела» начались, поэтому поход на море отменяется.
- А другие как же?
- Другие может и пойдут, не знаю. Ты с ними хочешь?
- Нет, я лучше с тобой.
- Тогда на следующей неделе.
- Вода не станет уже холодной?
- Бархатный сезон в самом разгаре. А бздыхи в октябре или даже ноябре умудряются купаться.
- Ой, а кто это?

– Приезжие, конечно! – Аня задумчиво посмотрела на передние парты. – Слушай, а как у тебя со зрением?

– Нормально. А что?

– Просто я подумала, ты маленького роста, и с этой парты тебе плохо будет видно доску. Вон, садись на первую парту с Леной Поповой, у нее как раз свободно.

– Мне и здесь все хорошо видно.

– Это пока. А потом как начнут на доске писать, так фиг разберешь. У меня и то еле-еле получается. Иди, давай я тебе помогу все перенести.

Аня схватила учебники и отнесла их на первую парту.

– Смотри как замечательно все видно. Будешь сидеть прямо напротив доски. Можешь не благодарить меня.

Лена Попова что-то писала, низко нагнувшись над тетрадь. Падающие на стол учебники заставили ее отложить ручку и удивленно посмотреть на одноклассниц через толстые стекла очков.

– Лен, я тебе тут соседку нашла. Вы как раз очень подходите друг другу.

– Привет, ты не против, если я с тобой буду сидеть, – немного стесняясь спросила Света.

– Как хочешь, – Лена пожала плечами. – Только сразу предупреждаю: списывать я никому не даю!

– Я и не...

– Вот и славно, вы обязательно подружитесь, – Аня довольно похлопала девочек по спидам и пошла к себе за парту.

<4 сентября 1991г.>

Мне так плохо! Мама все время плачет. Часто кричит и ругается на власть. Потом начинает винить себя. Невозможно слушать ее стоны. Мне так плохо. Не знаю, как я правильно должна себя вести. Как помочь маме? Как ей сказать, что мне тоже очень плохо? Иногда так хочется на нее... Но я не должна. Это же моя мама. Что делать? Был бы папа, он бы подсказал. Хотя, если бы он был, такого не было.

<5 сентября 1991г.>

Временами будто какая-то чернота обступает меня со всех сторон. Манит к себе, завлекает и обещает покой. Я ее боюсь. Мне страшно.

<7 сентября 1991г.>

Прошла первая неделя в школе. Как бы я хотела рассказать об этом папе... Мне нравится новый класс. И учителя тоже хорошие. Особенно понравилась учитель по русскому и литературе Л.А. У нее необычный подход, сразу видно, что ученики ее очень любят. Она сказала, что мы часто будем писать сочинения прямо в классе, а потом их зачитывать вслух. Может, мне показать ей свои стихи?

В понедельник после уроков большая часть 8А пошла на море. Расположились на камнях возле волнореза или буны, как сами ребята его называли. У всех купальные костюмы уже были надеты под школьной одеждой. Только Света пошла переодеваться в кабинку. Она надела спортивный купальник и обмоталась большим махровым полотенцем. Кто-то всю резвился у берега, играя в догонялки, или понарошку боролся, давя на плечи друг друга и пытаясь опустить соперника под воду. Несколько мальчишек прыгали с буны «бомбочкой», плюхаясь об воду так, что брызги поднимались словно от настоящего взрыва небольшой мощности.

Двое одноклассников, Света не смогла рассмотреть, кто именно, забрались на крышу аэрария и собирались спрыгнуть вниз. Остальные, бросив свои занятия и задрвав головы, тут же

начали следить за ними. Один из мальчишек вытянул руки над головой, оттолкнулся от края балясины, на которой стоял и прыгнул головой вниз.

- Кто это?
- Матюхин, кто же еще.
- Сумасшедший!
- Это же опасно очень!

Второй мальчик немного постоял, а потом развернулся и начал осторожно сползать вниз по деревянным опорам аэрария.

- А это кто такой смельчак? – усмехнулась Аня.
- Кажется, Алик Тулян.

– Почему-то я даже не удивлена, – Аня повернулась к морю, стараясь разглядеть плывущего Сашу.

К ребятам Алик и Саша подошли одновременно. Только Алик сухой и сконфуженный, а Саша довольный и весь в стекающих каплях воды.

- Что, Тулян, сдрейфил?
- Я просто высоты боюсь.
- Не очень-то и высоко там, – пожала плечами Аня. – Санек прыгнул и глазом не моргнул.
- Почему же? Моргнул, – часто заморгал, улыбаясь, Саша. – Если честно, высоковато там. Сколько, даже не знаю.

– Скорее всего десять метров, как на вышке в бассейне, – Света успела приблизиться к ребятам и стояла позади них.

Все удивленно обернулись.

– Это какая-то немецкая мода что ли? Не боишься, что полотенце на дно потянет? – Аня с ухмылкой посмотрела на укутанную в большое махровое полотенце Свету.

На всех девочках были надеты светлые футболки поверх купальников. Света смущенно улыбалась.

– Футболку надо сверху купальника, – Аня громко вздохнула, – чтоб на местных походить. А в этой махрушке ты точно на бздышку похожа. Есть футболка?

- Только та, в которой пришла.
- Надевай, она успеет высохнуть, не волнуйся.

Света схватила свои вещи и снова побежала в кабинку для переодевания.

– Ой, ну всему учить приходится! Как будто не в Германии жила, а в каком-то Крыжопинске, – Аня посмотрела на подружек и пожала плечами.

Света вернулась на пляж уже в принятом местными виде. Большинство ребят снова купались. На берегу остались только Аня, Саша и Алик.

- Ты случайно спортом никаким не занимаешься? – спросил Саша, оглядывая Свету.
- Занималась раньше. А что?
- Фигура выдает. Легкая атлетика?
- Прыжки в воду.
- Ни фиги себе! – Алик даже присвистнул. – И че, с такой верхотуры тоже прыгала?
- Да.
- А слабо сейчас прыгнуть?
- Не уверена.
- Правильно, нечего выпендриваться! – нахмурила брови Аня.
- Я не выпендриваюсь, у меня даже разряд есть, первый юношеский.
- Что-то не верится, заливаешь, наверное.
- Я никогда не вру.
- Докажи! – Аня вдруг недовольно поджала губы.
- Зачем мне что-то доказывать?

– Струсила, так и скажи.
– Я не вру и не трусиха.
– Тогда докажи, что ты дочка генерала.
– Полковника.
– Какая разница! Докажи. Как там говорят? Не посрами офицерской чести.
– Откуда можно залезть? – у Светы покраснели глаза, чтобы никто не заметил, она быстро побежала к аэрарию.

– Мы пошутили, не надо, – попытался остановить ее Алик.
– Степа, ну зачем? – покачал головой Саша. – Что за глупый спор! Она еще сломает себе что-нибудь, а мы будем виноваты.

– Пусть не выпендривается! – Аня скрестила руки на груди. – К ней со всей душой, а она... Только появилась и уже похваляется разрядами своими и папиком генералом. Ничего, дурь немного выветрится. А то...

– Света Отрохова, подожди, я с тобой! – Саша побежал догонять.

Он подсказывал, как удобнее забраться на крышу аэрария.

– Может, все-таки передумаешь? Ну ее...

– Я должна.

– Глупости все.

– Нет, это уже дело принципа.

– Ты такая принципиальная? – Саша удивленно посмотрел на Свету. – По виду не скажешь...

– А что по виду скажешь? – Света гордо подняла голову. – Что я тюха какая-то, да?

– Почему же сразу тюха? Просто обычная девчонка.

– Я не обычная, я дочь офицера!

Света вытянула руки над головой, соединила ладони. Она столько раз прыгала и во время тренировок, и на соревнованиях, но тогда было все по-другому. Теперь отчего-то ей стало страшно. Первый раз она прыгала в море, в первый раз не было рядом папы. И уже никогда не будет. Она глубоко вздохнула, чтобы не заплакать, зажмурилась и прыгнула. Вода приятно охладила разгоряченную голову. Света медленно поплыла к берегу и услышала, как за спиной вошел в воду Саша.

– Ты точно не обычная девчонка, – крикнул Саша, поравнявшись с ней, – ты...

Но Света не успела расслышать слов: Саша быстро поплыл дальше, обдав ее брызгами воды.

Когда Света вышла на берег, одноклассники ей зааплодировали. Аня демонстративно держала руки сложенными на груди.

Света уже подходила с полным мусорным ведром к контейнерам, когда услышала тихое мяуканье в одном из них. Представила несчастного пушистого котенка, застрявшего в помойке, и ей сразу захотелось спасти его. Она была уверена, что мама не будет ругаться, если Света ей все объяснит. Подошла ближе и заглянула внутрь. Мусорный контейнер заполнен почти до краев. В коробке из-под торта кто-то шевелился. Но не котенок. А кто-то, похожий на безволосую обезьянку. И тут Света поняла. Среди тошнотворно-кислого запаха гнилых фруктов и овощей, протухших объедков, грязных тряпок и рваных пакетов, в картонной коробке, измазанной по бокам бело-розовым кондитерским кремом, плакал настоящий ребенок. Мальчик. Его голое тельце синюшного цвета было покрыто пупырышками, словно кожа у ошипанной курицы. Несколько минут Света как загипнотизированная смотрела на младенца. Она не знала, как ей правильно поступить. Посмотрела на полное мусорное ведро, которое все еще держала в руке. Машинально выкинула все из него – осторожно, у самого края контейнера. Света была уверена, что не задела ребенка, но тот вдруг запищал громче чем раньше, начал

сучить ручками и ножками. Света отпрянула назад и, не выпуская пустого ведра из рук, помчалась домой.

– Там, там... – она заикалась и не могла произнести ни слова.

– Что? Что случилось?

– Там ребенок. Голый. В мусорке! – наконец выдавила Света.

– Живой?

– Да.

Мама поспешила на кухню, принесла Свете стакан воды.

– На, выпей. Тебе надо успокоиться.

Света сделала несколько глотков и глубоко вздохнула.

– Ты как? Нормально? Оставайся здесь. Я – к ребенку.

Она схватила махровое полотенце и выбежала из квартиры.

Младенец чуть слышно попискивал. Оксана Петровна осторожно взяла его, укутала в полотенце и прижала к груди.

Бежала не останавливаясь. Слезы мешали разбирать дорогу. Ребенок затих.

– Ты должен жить. Все будет хорошо. Ты должен! – мысленно уговаривала она малыша. – Ты будешь! Иначе зачем вся эта наша долбанная жизнь.

С мокрым от слез лицом Оксана Петровна вбежала в приемное отделение больницы. Она тяжело дышала, широко открывая рот. Медсестра за стойкой подозрительно на нее посмотрела:

– Вам что, гражданка?

– Срочно! Врача. Тут новорожденный. Подкидыш.

– Мать честная! Георгий Петрович, подойдите сюда, пожалуйста. У нас тут чэпэ, – медсестра окликнула проходившего по коридору мужчину в белом халате. – Это наш главный, – объяснила она уже Оксане Петровне.

– Что случилось?

– Новорожденный, скорее всего недоношенный, – Оксана Петровна уже немного отдышалась и успокоилась. – В мусорном баке лежал голый. Неизвестно сколько часов.

Главврач аккуратно взял младенца.

– У него признаки переохлаждения. Еще я заметила вывих правого бедра.

– Вы врач?

– Нет, медсестра.

– Идемте, расскажете все по дороге.

– Основное я уже сказала, – Оксана Петровна торопливо шла за главврачом. – Ему где-то 33-34 недели, не меньше – легкие уже сформированы.

– Вы где работаете?

– Нигде. Пыталась устроиться, но пока не получилось.

– Можете идти в бухгалтерию оформляться, скажете, что от меня.

– А как же...

– Не каждый врач сходу вывих у новорожденного определит, а вы увидели.

– Я просто год в родильном отделении работала. Насмотрелась всякого.

Поставленный Оксаной Петровной диагноз полностью подтвердился. Подняли на уши всю больницу, милиция приехала, согнали персонал. Долго разбирались, как такое могло случиться. Наконец одна из санитарок гинекологического отделения созналась, что ее знакомой пытались тайно провести роды.

– Знакомая дочку привела, – плача и пытаясь оправдаться, объясняла санитарка. – А та девчонка совсем, 16 лет дуре. Она даже и не сразу поняла, что беременна. Матери тоже боялась признаться. Отец – шишка большая. Узнал бы, выгнал и жену, и дочь. Знакомая ко мне. Помогите, мол, так и так. Пожалела их. Ребенок не проявлял признаков жизни. Думали,

мертвым родился. У коробка из-под пирожных оставалась. Туда положила тело и отнесла на помойку. Мертвый ребенок – это уже совсем другое дело. Испугалась я...

Оксана Петровна смотрела на эту еще не старую, скривившуюся от страха женщину и не могла понять: осуждает она ее или жалеет? Санитарку сразу уволили. Главврач договорился, что обвинения в уголовном преступлении не будут предъявлять. У санитарки дома пятеро детей. Одна их поднимает, без мужа. Но уволить по статье все равно пришлось.

Оксана Петровна выходила из больницы уже затемно, в качестве медсестры хирургического отделения. Муж, ее родной Валерчик, гордился бы сейчас ею. Сказал бы: молодчинка ты у меня! Все правильно сделала. Моя девочка!

Слезы сами потекли из глаз.

– Во дуриха, ты чего реवेशь? Тут плясать от радости надо. И ребенка спасла, и на работу устроилась, – из-за стойки регистрации удивленно смотрела женщина средних лет.

– Да это я так...

– От эмоций, понимаю. Я Дариджан, добро пожаловать в коллектив.

– Спасибо, а я...

– Знаю, знаю, можешь не представляться. У нас в больнице новости быстро разносятся.

– Куда теперь его?

– В дом малютки, куда еще.

<19 сентября 1991г.>

Навеликали Макара в доме малютки. Жалко его ужасно! На брошенных малышкой смотреть больно. Заходишь в комнату, а там ряды кроваток. И тишина, будто в кроватках не дети, а куклы неживые лежат. Жутко.

Когда вернулись домой, мама сказала, что Макар – знак от папы. Теперь она везде ищет знаки. Мне кажется, что и я тоже. Главное, не сойти нам с ума.

<24 сентября 1991г.>

В магазинах продукты еще есть. Но уже ходят слухи, что скоро все исчезнет и начнется дефицит. С трудом верится. Но мама уже паникует. говорит, надо запастись тушенкой, крупой, мылом и спичками.

В последний день сентября директор собрал все классы во дворе школы для важного объявления. По периметру прямоугольной площадки выстроились ученики с классными руководителями во главе.

Когда все стихло, заговорила старшая пионервожатая. Громким, чуть дрожащим голосом она объявила, что пионерской организации больше не существует, и что галстуки уже не нужно носить.

Старшеклассники, словно заранее сговорившись, дружно стали кричать ура. Хотя многие из них и так давно не носили галстуков. Школьники помладше спешно развязывали прямоугольные подушечки узелков и прятали красные комочки в карманы брюк или в кулачки у себя за спинами. Второклассники хихикали и перешептывались друг с другом, некоторые из них дергали приколотые на груди звездочки с портретом юного вождя пролетариата. Пионервожатая сжимала двумя руками микрофон, пытаясь что-то прокричать сквозь шум. Первоклашки, широко раскрыв глаза и рты, озирались по сторонам. Судя по всему, они поняли, что уже не станут октябрятами.

После окончания линейки классные руководители заторопились к директору на педсовет. 8А тоже быстро направился в здание школы.

На четвертом этаже, в кабинете истории никого не было. Саша плотно закрыл дверь и вытащил из кармана изрисованный ручкой, с ободранными неровными концами пионерский галстук.

– Ну что, давайте их сюда!

Остальные ребята тоже достали галстуки. Сговорившись, мальчишки решили устроить торжественные проводы своим, как они называли, ошейникам. Девчонки тоже захотели участвовать. Все, кроме Светы. Ей даже никто не сказал. После прыжка с крыши аэрария отношения с Аней совсем разладились, а с другими девочками она не успела еще сдружиться.

– Света, почему ты еще с этой тряпочкой? – Саша заметил, что Света не сняла галстук. – Все, конец пролетарскому игу! Давай сюда свой ошейник!

Света закрыла галстук руками.

– Нет. Не дам.

– Ого! – к Саше подошла Аня. – Сань, у нас проблема! Что делать будем? Она заложит!

– Степа, не пори горячку, – Саша покровительственно положил руку на плечо Ани. – Отрохова будет молчать. Правда, Света?

Весь класс уставился на новенькую. Щеки Светы горели. Опустив взгляд, она кивнула.

– Вот и славненько! Давайте, ребята, по-быринькому, пока нас не застукали.

Саша деловито принимал от одноклассников галстуки и связывал их концами друг с другом. Получился длинный лоскут, похожий на праздничную гирлянду. Он достал из кармана коробок спичек, поджег лоскут с одного края и бросил запольхавшую ткань в окно. Второй конец он крепко держал на вытянутой руке. Перегнувшись через широкие подоконники, старшеклассники молча любовались, как красное пламя мчалось вверх по синтетике, оставляя после себя только едкий дым и черные хлопья серы.

Неожиданно дверь с грохотом дернулась и в класс ворвалась старшая пионервожатая. Все резко выпрямились и отпрянули от окон.

Предоставленный сам себе, лоскут начал падать вниз и, не долетев до земли, полностью прогорел где-то на уровне второго этажа.

– Что ж вы... – старшая пионервожатая некоторое время только широко открывала рот, заглатывая воздух. – Что ж вы, ироды, делаете! Вы же не люди! Разве можно так. Это же... Это же просто фашизм!

Кто-то громко хмыкнул.

– Неужели вас плохо учили столько лет? Вы – Иваны Непомнящие! Ваши деды и прадеды жизнь отдавали за идеалы, за светлое будущее, за...

– Кончилось наше светлое будущее, – бросил Саша. – Так что, получается, зря деды жизнь свою отдавали.

– Что ты такое говоришь!

Старшая пионервожатая, близоруко щурясь, переводила взгляд от одного детского лица к другому.

– Да, сейчас трудное время. Страна запуталась. Но я уверена, что все вернется, что люди опомнятся, правительство поймет...

– Ирина Дмитриевна, вы как маленькая, честное слово.

Старшая пионервожатая громко шмыгнула носом.

– Но как же так. Вы все так думаете? Думаете, что теперь можно все взять и растоптать? Радостно сжечь всю нашу семидесятилетнюю историю? А?

Наконец Ирина Дмитриевна заметила незнакомую девочку, единственную, у которой остался на шее пионерский галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.